

О. Ф. Кудрявцев
МГИМО МИД России, Москва, Россия

О НЕКОТОРЫХ СТЕРЕОТИПАХ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ И РУССКИХ В «ЗАПИСКАХ О МОСКОВИИ» СИГИЗМУНДА ГЕРБЕРШТЕЙНА

Книга Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии» (1-е изд. — 1549 г.) — самое полное и обстоятельное описание Российской страны, сделанное в Европе в эпоху Возрождения. В ней много нового материала, который ее автор, гуманистически образованный европеец, тем не менее, очень часто использовал для иллюстрации старых, закостенелых стереотипов восприятия Руси/Московии/России, сложившихся в гораздо более раннее время.

Ключевые слова: Московия, Россия, Герберштейн, гуманизм, эпоха Возрождения, варвары, север, тирания, стереотипы

Работая над «Записками о Московии», Герберштейн, конечно же, задумывался и о вечном. Как добрый католик, он не мог не стремиться к тому, чтобы стяжать *жизнь вечную*. Но, как сын своего времени, воспитанный на ценностях ренессансной культуры, он не был чужд и желания обрести, так сказать, *практическое бессмертие*, или неизгладимую известность в веках, хотя нигде открыто в этом не признавался. Да и нужно ли было? Его труд говорил сам за себя. И друзья. Придворный историк и космограф Вольфганг Лациус (Wolfgang Lazius), осуществивший вторую латинскую публикацию «Записок о Московии» в 1551 г. в Базеле у типографа Иоганна Опорина (Хербста), предрекал ему за издание труда «благороднейшего мужа и учнейшего героя» («nobilissimo uiro, doctissimoque Heroe») славу, себе же — бессмертие¹. А разве сам ренессансный «герой», Герберштейн, был менее этого достоин?

Профессиональный дипломат на службе у Габсбургов, воспринимавший эту свою деятельность как призвание и потому находивший удовольствие, по его собственным словам, в путешествиях и в «общении с иноземцами», Сигизмунд Герберштейн по поручению своих государей посещал кроме России, в 1517 и 1526 г., и другие страны — неоднократно Венгрию и Польшу, а еще Данию, Испанию, Османскую империю, транзитом же — Италию и Францию; и он знакомился «не только мимоходом, но и весьма тщательно» со многим в них, что заслуживало бы записи и опубликования. Однако посвятить свой досуг их описанию он не захотел, «отчасти потому, что они были красноречиво и подробно изложены раньше другими, отчасти же потому, что находятся ежедневно на глазах и на виду Европы». И он предпочел посвятить свой труд тому, что не так известно, — «делам московитским, гораздо более скрытым и не столь доступным ознакомлению с ними современников, полагаясь преимущественно на два обстоятельства: на кропотливость своих разысканий и на свое знание славянского языка (*linguae Slavonicae peritia*)»².

Его не устраивала роль второго плана, но привлекала непременно первостепенная и исключительная. Поэтому он и взялся описывать Русь/Россию/Московию. В самом деле, кто, кроме него, из ее описателей знал славянский язык, чтобы общаться с ее жителями? Кто располагал такими же, как и он, сведениями о ней и мог лучше и полнее других о ней рассказать?

Герберштейн, несомненно, амбициозен и одновременно смиренен. Однако смирение его, если воспользоваться словами русской поговорки, паче гордости. «Правда, о Московии писали

¹ «...mitto interea Commentarios rerum Moscoviticarum, a longe nobilissimo uiro, doctissimoque Heroe, Domino SIGISMVNDO Libero Barone ab Herberstain... concinnatos... Opus mehercule et illud est, quod mihi immortalitatem, et tibi gloriam cum pari commodo coniunctam parere potest» (*Herberstain S. Rerum moscoviticarum Commentarij. Basileae, 1551. Sig. a1v*).

² *Герберштейн С. Записки о Московии / Под ред. А. Л. Хорошкевич (латинский и немецкий тексты, а также русский перевод). М., 2008. Т. I. С. 24–27.*

весьма многие, — признается он и тут же добавляет: — но большинство делало это с чужих слов (*plerique tamen ex alieno relatu*). Он указывает имена Николая Кузанского (Nicolaus Cusanus), Павла Йовия (Paolo Giovio), о котором отзывается с большим уважением как о писателе «красноречивом и очень достоверном», Иоганна Фабри (Johannes Fabri), Антония Вида (Antonius Wied) (ошибочно назван, по-видимому, в результате опечатки, как Бид — Bied), Олауса Гота (или Магнуса, Olaus Magnus), Матвея Меховского (Mathias de Miechow), Альберта Кампенского (Albertus Campensis), Себастьяна Мюнстера (Sebastian Münster)³. Стоит заметить, что задолго до Герберштейна, еще в 1523–1525 г., три из указанных им автора — Йовий, Фабри, Альберт Кампенский — посвятили целиком Московии свои, пусть и небольшие, сочинения и вынесли название этого государства в их заглавие [Кудрявцев, 1997, с. 3]. Однако какими бы достоинствами ни отличались их труды, они, по словам Герберштейна, не могли заставить его отказаться от предпринятого сочинения прежде всего потому, что он в отличие от них был «свидетелем описываемых событий (*eorum rerum oculatus fuerim testis*)»⁴. Вот это его собственное очевидство должно было обесценить все, что писалось о Руси/России/Московии до выхода в свет его работы, или по меньшей мере поставить неизмеримо ниже ее. Именно оно должно было обеспечить ему славу истинного первооткрывателя и надежного описателя далекой, как тогда считалось, *северной* страны. Тому, что Герберштейн стяжал эту славу, может служить доказательством характеристика его как «открывателя России», данная Августом Шлецером (Augustus Schlözer) в XVIII в. (см.: [Adelung, bd. I, s. 160]).

Ценность своего труда Герберштейн полагал также в том, что иные сведения, сообщенные в нем, он почерпнул «из заслуживающих доверия донесений», что он «долго и много беседовал при всяком случае о тех (т. е. московитских. — О. К.) делах с очень многими лицами», гораздо подробнее и пространнее разъяснял то, что другими повествователями о Московии было лишь упомянуто, наконец, описал то, чего все другие вообще не касались и «что не могло стать известным никому, кроме посла»⁵. И надо признать, он не преувеличивал и действительно необычайно расширил знания европейцев о русском мире.

Однако надо признать и то, что он был не первым очевидцем Руси, описавшим ее. Еще за век до него христолюбивый рыцарь-авантюрист, подданный бургундских герцогов Гильбер де Ланноа дважды, в 1413–1414 и в 1421 г., посещал эту страну и оставил в своих мемуарах «Путешествия и посольства» («*Voyages et ambassades*») описание Новгорода и Пскова, а также западнорусских земель. В оправдание Герберштейна укажем, что автобиографические записки бургундского рыцаря сохранились в немногочисленных рукописях и никак не могли быть известны габсбургскому дипломату. Более того, их свел в единое целое из разрозненных заметок уже после смерти самого Гильбера де Ланноа в середине XV в. его капеллан, заметивший во введении, что его набожный патрон этого не сделал из боязни «суетной славы» («*vaine gloire*») ⁶, то есть предосудительной страсти, которая сродни гордыне, страшному греху, препятствующему спасению⁷. Герберштейн подобных страхов уже не знал, он часто и охотно упоминает себя, повествуя о Руси/России/Московии. Прошло сто лет, и мы видим, сколь решительно изменились мировоззренческие установки.

Труд «Путешествие в Персию» («*Viaggio in Persia*») Амброджо Контарини, еще одного наблюдателя русских земель, увидел свет в 1487 г. В нем автор, венецианец из знатного патрицианского рода, описывал среди прочего свои впечатления от юго-западной, а также

³ Там же.

⁴ Там же. С. 24–27.

⁵ Там же.

⁶ *Lannoy Gh. de. Voyages et ambassades // Lannoy Gh. de. Oeuvres de Gillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moralist / Ed. par Ch. Potvin, J. C. Houzeau. Louvain, 1878. P. 9. См. также: [Кудрявцев, 2013, с. 37, 38].*

⁷ См. в этой связи: [Заредкий, 2002, с. 10–16; Заредкий, 2009, с. 34–36].

Московской Руси, которую он посетил соответственно в 1474 и 1476—1477 г., выполняя дипломатическую миссию к персидскому шаху. До первой публикации книги Герберштейна сочинение Контарини выходило еще дважды, в 1524 и 1543 г. Неизвестно, почему Герберштейн обошел его вниманием. Возможно, он его не знал; возможно, не пожелал называть труд, созданный не на языке высокой науки, то есть не на латыни, а на венецианском диалекте итальянского, недоступном большей части как людей ученых, так и европейской читающей публики. А может быть, просто не хотел кому-то другому отдавать славу первоописателя-очевидца, на которую он, несомненно, претендовал сам. Да и справедливо это было бы, если иметь в виду, что Герберштейн посвятил Московской Руси огромную, детально характеризующую ее с самых разных сторон работу, Контарини — всего несколько страниц наблюдений среди прочих заметок о многих виденных им странах и народах?! Так-то оно так. И все же Контарини в своем коротеньком репортаже о Российской стране сумел сделать такие зарисовки, какие оказались не по силам даже Герберштейну: Контарини дал наглядный, психологически по-разному нюансированный портрет московского государя Ивана III, словно живую картинку изобразил аудиенции с ним; он восхищенно писал о зимней торговле на Москве-реке, изображая живописнейший натюрморт в духе фламандцев конца XVI в.⁸

Наконец, был еще один европейский путешественник, посещавший на рубеже 70—80-х годов XV в. Юго-Западную Русь и писавший об этом, — известный итальянский гуманист Юлий Помпоний Лет (Giulio Pomponio Leto), глава Римской академии и создатель Ватиканской библиотеки. Правда, итинерарий его путешествия утерян, а отдельные заметки о виденном и узнанном на Руси, которые рассеяны по многочисленным комментариям к античным классикам, были выявлены и сведены в некую подборку только в начале XX в. замечательным русским историком Владимиром Владимировичем Забугиным [Забугин]. Поэтому вопрос о том, почему о нем не упоминает Герберштейн, отпадает сам собой. Есть, однако, обстоятельство, заставляющее задержать внимание на сведениях о Восточной Европе этого итальянского гуманиста. Принято считать, что первым об отсутствии в Восточной Европе Рифейских и Гиперборейских гор (montes Riphei et Hyperborei), о которых писали античные авторы и в которых будто бы имеют истоки великие реки этого региона, сообщил польский космограф Матвей Меховский (Mathias de Miechow) в «Трактате о двух Сарматиях» («Tractatus de duabus Sarmatiis», 1517 г.)⁹, опиравшийся на сведения, полученные от русских военнопленных¹⁰. Однако гораздо раньше польского космографа, в 80-е годы XV в., отвергал эти горы в своих трудах и университетских

⁸ Contarini A. Viaggio in Persia // Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 202—206, 226—231.

⁹ Mathias de Miechow. Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis. Посвятительное письмо; I.II.5; II.I.3; II.II.1; II.II.2 // Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / [Подготовка латинского текста,] введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. М.; Л., 1936. С. 46, 84, 110, 116, 118, 128, 163, 186, 192, 194.

¹⁰ По утверждению главного оппонента Матвея Меховского императорского посла в Москву Франческо да Колло, во время их очной встречи в Петрокове (1519 г.) в присутствии короля Сигизмунда I польский ученый будто бы утверждал, что сведениями об истоках Дона в Рязанском княжестве он обязан «нескольким пленникам-москвитам» (см.: Колло Фр. да. Доношение о Московии / Подготовка текста, перевод на русский язык, вступительная статья и комментарии О. Симчич. М., 1996. С. 51, 64).

лекциях Юлий Помпоний Лет¹¹. И похоже, именно от него, а не от русских военнопленных воспринял новый взгляд на географию Восточной Европы Матвей Меховский (см.: [Кудрявцев (в печати)]). Ученый мир Европы был потрясен этим, так сказать, «открытием». В пользу нового взгляда и с резкой критикой древних выступили Ульрих фон Гуттен (Ulrich von Gutten), Вилибальд Пиркгеймер (Willibald Pirckheimer), Альберт Кампенский (Albertus Campensis), Павел Йовий (Paolo Giovio) [Кудрявцев (в печати)]. Сам император Максимилиан I, отправляя в 1518 г. новое посольство в Москву, дал ему специальное задание проверить сведения Матвея Меховского. И один из участников этой миссии, Франческо да Колло (Francesco da Collo), в своем донесении утверждал, будто горы эти на самом деле есть и не древние заблуждались на их счет, а польский автор обманывался!¹²

Ну а что Герберштейн? Он же, не углубляясь в суть спора, занял компромиссную позицию. Рассказывая о расположенных на крайнем северо-востоке московитских владений горах, называемых Поясом Мира (Cingulum mundi, сейчас — Уральские горы), Герберштейн замечал, что они, «вероятно, представлялись древним Рифейскими или Гиперборейскими»¹³. Но при этом не настаивал на том, что в них берут начало великие реки Сарматий, то есть Дон (Танаис), Днепр (Борисфен) и Волга (Ра). А ведь именно для объяснения такого происхождения этих рек Рифейские и Гиперборейские горы и были изобретены античной наукой. Никакой другой необходимости предполагать их наличие не было. Как видим, Герберштейн пытался реанимировать, то есть буквально дать новую жизнь, не просто обветшалой, но и уже благополучно похороненной географической концепции.

После сказанного сам собой возникает вопрос: в какой мере Герберштейн следовал сложившейся в европейской литературе традиции восприятия России? И прежде всего — стереотипической ее трактовке как северной страны, населенной варварами? А преимущественно именно так и земли русские, и народ русский описывались византийскими, а затем и европейскими авторами начиная с раннего Средневековья. В русских видели одну из северных, варварских народностей, отождествляемых обычно со скифами, необузданных в своих желаниях, враждебных нравам, воспитанным цивилизацией, и всякой человечности.

Уже в одном из первых упоминаний в гомилиях (Homiliae) патриарха Фотия (Photios) в середине IX в. «народа Рос», кровожадного и бесчеловечного, указано, среди прочего, что он «пришел с севера» (см.: [Кудрявцев, 2011, с. 532]). К северным, скифским народам, наряду с хазарами и турками, относил в середине X в. росов, то есть русь, византийский император и писатель Константин Багрянородный (Constantinos Porphyrogenetos) в сочинении «Об управлении империей» («De administrando imperio»), предупреждая об их ненасытной алчности¹⁴. Два столетия спустя, в середине XII в., краковский епископ Матвей (Matthaeus) в послании к знаменитому проповеднику и богослову Бернарду Клервосскому (Bernard de Clairvaux) характеризовал русских как дикий, варварский, лишенный человечности народ, живущий на

¹¹ Дважды, в лекциях по Валерию Флакку и по Вергилию, Помпоний Лет говорил, что Танаис (= Дон) «начинается из болота» («Tanais oritur ex palude»), равно как и Борисфен (= Днепр) (см.: [Забугин, с. 199, 209]). А это значит, что ученые древности — Аристотель, Лукан, Плиний Старший, Помпоний Мела, Солин, Птолемей, — а также следовавшие за ними ренессансные землеописатели, как, в частности, Филиппо Буонакорси (известный под гуманистическим псевдонимом Каллимах Римский, или Эсперiente), кстати, участник академических собраний Помпония Лета, ошибались, указывая на некие Рифейские горы, расположенные «за крайней Скифией», как на место, откуда берут начало великие реки Восточной Европы. См. подробнее материал на эту тему в комментариях С. А. Аннинского к изд.: Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. С. 203–205. Примеч. 5; а равно комментарии автора настоящей работы к изд.: Альберт Кампенский. О Московии // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Составитель О. Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 127, 128. См. также соответствующее место в «Истории» Каллимаха Эсперiente (80-е годы XV в.): Callimachus Experiens Ph. Historia rerum gestarum // Monumenta Poloniae historica. Kraków, 1898. Т. VI. Р. 21.

¹² Колло Фр. да. Доношение о Московии. С. 49–52, 62–65.

¹³ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 376, 377.

¹⁴ См.: [Кудрявцев, 2011, с. 532. Примеч. 3.]

севере, в холодном климате, у «ледяного полюса»¹⁵. О русских, а равно и о татарах как жителей северных регионов упоминал анонимный описатель Восточной Европы начала XIV в., при этом замечая, что они — варвары и схизматики¹⁶.

И эти две черты — северное местонахождение и варварские нравы и установления — вместе или порознь — стали наиболее устойчивыми стереотипами восприятия и характеристики русских в средневековых и ренессансных документах и сочинениях по космографии.

Для современного европейца русские, как и татары, а уж тем более турки, — это восточные соседи. Однако в Средние века и в эпоху Возрождения их воспринимали так же, как скифов в древности, то есть как обитателей северных окраин ойкумены. Более того, зачастую просто считали народностями скифского корня. Уже древние мыслители проводили жесткое разграничение между народами, живущими на севере, на юге, с одной стороны, и в срединной части земли — с другой. Первые две категории, подчеркивал Аристотель в «Политике», ущербны в сравнении с теми, кто населяет срединную зону, — эллинами. В частности, люди, обитающие в холодном климате, то есть на севере, пусть и отличаются мужеством и свободолюбием, но обделены умом и способностями к ремеслам, непригодны к государственной жизни и не могут быть господами соседям¹⁷. Речь идет о своего рода природной заданности того, что можно было бы назвать «национальным характером». Эта идея была хорошо усвоена последующими веками. Ее отзвук находим во второй половине XIII в. у Роджера Бэкона (Roger Bacon), одного из светочей средневековой схоластики, рассуждавшего в «Великом труде» («Opus Majus») о зависимости людских нравов от географически обусловленных условий жизни¹⁸. А другой ее светоч, современник Бэкона Фома Аквинский (Thomas Aquinas) в трактате «О правлении государей» («De regimine principum») целиком воспроизводит уже цитированное место у Аристотеля, в котором среди прочего речь шла о характерологических особенностях обитателей холодных стран¹⁹. Два с лишним века спустя прославленный итальянский гуманист Джованни Пико дела Мирандола (Giovanni Pico della Mirandola) в своем труде «Рассуждения против прорицающей астрологии» («Disputationes adversus astrologiam divinatricem») приводил это же положение в качестве незыблемого основания тогдашнего научного знания²⁰.

Таким образом, получается, что русские как бы местом своего обитания обречены быть варварами, вместе с другими народами, живущими в холодном климате, представляют особую, северную породу, или расу, в силу неразвитости ума и прочих способностей чуждую цивилизации и культуре и даже враждебную истинной вере. То есть они варвары по природе.

Но кроме климата, а возможно, и через него характер народа определяется, как оказывается, действием сил в буквальном смысле более высокого порядка, а именно — астральных. Это положение античной науки было усвоено ренессансной космографией. Вот что писал упомянутый выше польский космограф Матвей Меховский (Mathias de Miechow), старший современник Герберштейна: если рассматривать северные народы с позиций астрологии, то станет очевидным, что «угол северного аквилона, где ныне находятся татары, принадлежит в подразделении [сферы] к треугольнику северных небесных знаков; в нем господствует Сатурн под знаком

¹⁵ См.: [Кудрявцев, 2011, с. 514, 533, 534.]

¹⁶ См.: [Кудрявцев, 2011, с. 534.]

¹⁷ Аристотель. Политика. 1327a23–34 // Аристотель. Сочинения. М., 1983. Т. 4. С. 601. См. также: [Кудрявцев, 2011, с. 532, 533].

¹⁸ The Opus Majus of Roger Bacon / Ed. by J. H. Bridges. London, 1897. Vol. I. P. 250; Матузова В. И. Английские средневековые источники. М., 1979. С. 193, 207.

¹⁹ «Ut enim Aristoteles dicit in sua politica: quae in frigidis locis habitant gentes, sunt quidem plenae animositate, intellectu autem et arte magis deficientes, propter quod libere perseverant magis. Non vivunt autem politice, et vicinis propter imprudentiam principari non possunt...» (Thomas Aquinas. De regimine principum. II. 1 // Thomas Aquinas. Opuscula. Venetiis, 1490. Sig. B1r).

²⁰ Pico della Mirandola G. Disputationes adversus astrologiam divinatricem. Lib. III. Cap. XIII / A cura di E. Garin. Firenze, 1946. Vol. I. P. 288. Подробнее см.: [Кудрявцев, 2011, с. 533–535].

Водолея (Saturnus cum signo Aquarii) и делает названный угол диким и ужасным по характеру его жителей (reddit praefatum angulum ferocem et horrendum secundum incolas eius); так говорит Птолемей (Ptolemaeus)». А еще он говорит — и далее Матвей Меховский почти дословно цитирует первую публикацию в латинском переводе (Венеция, 1484 г.) «Четверокнижия» («Тетрабиблоса», по латыни: «Liber quattuor tractatum») древнегреческого ученого, — что «те, кто находятся на границах земель Сарматии и Аскарды, уподобляются Водолею и Сатурну. Оттого они отличаются большей жестокостью и по душевным свойствам весьма дики»²¹.

Но почему эти небесные объекты производят такое зловещее воздействие на людей? Согласно Птолемею, «Сатурну, в характеристике которого преобладает холод... и который движется по наиболее высокой и удаленной от светил орбите, приписываются... [знаки] Козерог и Водолей, причина чего заключена еще в том, что эти знаки холодные и зимние, а их диаметральный аспект несовместим с благотворным влиянием»²².

На основании подобных положений астрологической науки Матвей Меховский заключал, что «зловредно влияние серпоносного Сатурна (falcifer Saturnus) и чрезвычайно опасно для рода человеческого, действуя всегда против него своими губительными качествами — холодом и сухостью»²³. И это проклятие звезд тяготеет над всеми народами Севера, в душах которых действием небесных сил вращены начала, чуждые всякой человечности. «Именно из этого (северного. — О. К.) угла появились и до сего дня являются суровые и жестокие племена, приводящие в смятение род человеческий. — Предупреждение об этом Матвей Меховский находит и в Библии: — Иеремия в первой главе говорит об этом: “от севера распространится всякое зло на всех обитателей земли”²⁴, и всякий, кому угодно будет проверить, найдет это, как божественное изречение, совершенно очевидным и справедливым»²⁵.

Итак, опираясь на астрологию, выкладки которой считались точными и доказательными значительной частью ученого мира того времени, Матвей Меховский подчеркивал абсолютную зависимость дурных нравственных характеристик уроженцев севера от влияния и положения небесных знаков и тел в данной области земли; в силу этого северянам предопределена свыше только одна роль — выступать как пагуба, своего рода разрушительная стихия, несущая угрозу для существования всех других народов.

А это уже приговор. И хотя Матвей Меховский вел речь преимущественно о татарах, к обитателям Севера, как мы помним, относились и русские.

Герберштейн в своем сочинении упоминал о полуночных, или северных, странах не раз, имея в виду прежде всего Московию, которую он посещал дважды²⁶. Только упоминал, казалось бы, просто сообщая о географическом положении страны. И ничего более. На самом деле северная локализация имела, как мы теперь знаем, целый ряд обязательных коннотаций и подразумевала соответствующие географической зоне и предсказуемые черты морального облика народа и его общественного быта.

Русские как северяне не могут не быть варварами. По определению. И Герберштейн их изображал таковыми. И никогда не забывал, с кем имеет дело, даже если его русские знакомые

²¹ «Qui in confinibus terrarum Sarmatiae et terrae Ascardae conversantur, Aquario et Saturno assimilantur. Unde maioris sunt crudelitatis, qualitatesque animarum suarum ferocissimae» (*Mathias de Miechow*. Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis. I.II.1. С. 149, 68). Ср.: *Ptolemaeus Cl. Liber quattuor tractatum [Quadripartitum] cum centiloquio et commento Halv. II.4. Venetiis, 1484. Sig. b8v.*

²² Птолемей Кл. Тетрабиблос. I.17 / Перевод с английского Г.П. Хлуновской, под редакцией А.А. Капраловой, Н.А. Додоновой. Б.м., б.г. [1992?]. С. 40. В венецианском издании 1484 г. указан другой номер главы: *Ptolemaeus Cl. Liber quattuor tractatum... I.18. Sig. b1v.*

²³ *Mathias de Miechow*. Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis. I.II.1. С. 149, С. 69 (перевод уточнен). См. также комментарий С. А. Аннинского к изд.: Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. С. 220. Примеч. 75.

²⁴ Иер 1: 14. В Синодальном переводе: «от севера откроется бедствие на всех обитателей сей земли».

²⁵ *Mathias de Miechow*. Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis. I.II.1. С. 69, 149.

²⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 22, 23. См. также: с. 30, 32.

были людьми, заслуживающими уважения и симпатии. «Дмитрий Данилович, муж важный и достойный всяческого доверия, — писал Герберштейн об одном из близко известных ему великокняжеских бояр, но тут же не преминул добавить в латинской редакции: — насколько это возможно у варваров...»²⁷. Не стоит эти слова рассматривать как оговорку²⁸. Герберштейн сказал то, что имел в виду и что должен был сказать. Оценим его прямо.

В других случаях Герберштейн путем очевидного сопоставления или описания подводит читателя в той же самой мысли о варварстве русских, которое заметно у них во всем, начиная с внешнего облика. По его словам, «одежду они носят длинную, шапки белые заостренные, из войлока (lana соаста), из которого... изготовляют себе верхнюю одежду варвары (penulae barbaricae)»²⁹. Под варварами здесь разумелись, конечно же, татары. Но и русские в силу сходства с ними должны напоминать варваров. Дома тоже вызывали недоумение, их сени «достаточно просторны и высоки, а двери низки, так что всякий входящий должен был согнуться и наклониться. Зато пороги высоки», добавлено в немецкой редакции. И хотя Герберштейн нашел этому рациональное и правильное объяснение — так сохраняется тепло в комнатах³⁰, подобный тип жилища должен был представляться европейцу не только неудобным, но и нелепым и неприемлемым, ибо он не подходит свободному человеку, которому не пристало то и дело нагибаться, словно кланяясь.

Какого-либо ощущения достоинства в описании Герберштейна начисто лишены низы общества, рабочий люд, с которым нельзя обходиться иначе, чем с ленивой рабочей скотиной: поденщики и ремесленники, по словам Герберштейна, «не будут работать усердно, если их хорошенько не побить» («neque hi strenue laborant, nisi bene verberati»). Отчего их отношения с господами имеют немисливо извращенный характер: «Я слышал однажды, — свидетельствует Герберштейн, — как слуги жаловались, что господа не побиили их как следует. Они считали, что не нравятся своим господам и что те гневаются на них, если не бьют»³¹. Сходно с этим извращены, в изображении Герберштейна, и отношения между супругами: жена как существо более слабое и зависимое ожидает и даже требует от мужа битья. Некий немецкий кузнец Йордан, женатый в Москве на русской, будто бы рассказывал габсбургскому дипломату, как его жена жаловалась на то, что он не любит ее, ибо не бьет; в ответ на эти слова Йордан ее крепко поколотил, и жена стала ухаживать за ним с еще большей любовью; он же «упражнялся в этом занятии затем очень часто», так что «сломав ей, наконец, шею и ноги». Хотя Герберштейн уточняет, что это произошло в его «бытность в Московии»³², тем не менее рассказанное больше напоминает анекдот, который мог быть использован как сюжет для ренессансной новеллы, нежели реальную историю.

Знатные, согласно Герберштейну, держат себя не менее недостойно, нежели простолюдины, но проявляется это иным образом. В частности, какими бы бедными они ни были, считают бесчестным работать собственными руками, но не видят ничего зазорного в том, чтобы «поднимать с земли и поедать корки и шелуху плодов, в особенности дынь, чеснока и лука, брошенного нами или нашими слугами»³³, пишет Герберштейн. Оставим в стороне вопрос о достоверности этих сведений и согласимся с Герберштейном: было бы странно чего-либо иного ожидать от варваров, не ведающих правильного гражданского строя и добрых нравов.

²⁷ «Demetrius Danielis, vir (ut inter Barbaros (курсив мой. — О. К.)) grauis ac fide singulari» (Там же. С. 438, 439).

²⁸ А именно так цитированные выше слова предлагается трактовать в работе: [Baron, s. 249].

²⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 262—265.

³⁰ Там же.

³¹ «Audiui seruitores aliquando conquestos, quod a dominis non essent probe verberati. Credunt se suis dominis displicere: signumque esse indignationis, si non verberentur» (Там же. С. 264, 265).

³² Там же. С. 236—239.

³³ «Aber des schamen sy sich nit, wan wir oder unsere dienner von friichtn, als Opffl, Piern, Melaun, die schelln verworffen, sy die von der Erden gehebt unnd geessen, auch von den Zwifln die schellen» (Там же. С. 262, 263).

А как может быть правильным гражданский строй у народа, который, по свидетельству Герберштейна, «находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе»³⁴? Причем речь идет о рабстве не только частном, то есть отдельных лиц, приобретших рабов разными способами, но о всеобщем, *тотальном* рабстве всего населения страны. «Все они, — пишет Герберштейн, — называют себя холопами, то есть рабами, государя»³⁵. Не стоит сейчас выяснять, означало ли слово «холоп» в данном контексте раба, или, похоже, все-таки подданного. Герберштейн настаивал на первом значении, и мы должны принять его точку зрения. Ибо этим он имеет в виду подчеркнуть всевластие русского монарха, не просто его самодержавие (*Autokratie*), а что-то не находящее аналогий даже в восточных деспотиях. Разве как-то иначе можно понять слова: «Властью, которую он (московский государь. — *О. К.*) имеет над своими подданными, он далеко превосходит монархов целого мира»? И ниже уточняется характер этой власти: «Всех одинаково гнетет он (тот же московский государь. — *О. К.*) жестоким рабством...»³⁶. Знаками этого всеохватывающего рабства могут выступать самые неожиданные вещи. Так, согласно Герберштейну, хлеба на великокняжеском пиру, имевшие вид лошадиного хомута, то есть калачи, должны были знаменовать «для всех, их вкушающих, тяжкое иго и вечное рабство»³⁷.

Используя политический категориальный аппарат своего времени, Герберштейн установившийся в России государственный строй определял не иначе как «тирания» («*tyrannis*», «*schwaere Herrschafft*», «*grausame Herrschafft*»)». По представлениям образованного европейца ренессансной поры, хорошо усвоившего классическую политическую доктрину, которая формы правления подразделяла на правильные и неправильные, или извращенные, тирания принадлежала к числу последних и почиталась самой дурной среди них, будучи вырождением монархической формы, наилучшей среди правильных. Тиранией считалось не самовластье вообще, но лишь такое, которое переходило в полный произвол, попирающий все человеческие законы и божественные установления. Изобразив и ославив порядки Российского государства как тиранические, Герберштейн не только выставил его в дурном свете, но и подводил к мысли о его политико-правовой ущербности, нелегитимности³⁹.

Как бывало в других случаях, Герберштейн не первым находил на Руси тиранический государственный строй. Еще в середине XII в. немецкий агиограф Герборд в Житии Оттона, епископа Бамбергского, называл тираном Володаря Ростиславича, князя перемышльского, народ русский он описывал не иначе как «жестокий», «суровый», «дикий», «свирепый» (см.: [Кудрявцев, 2011, с. 518]). Но Герберштейн, похоже, был первым, кто устанавливал связь одного с другим — типа власти российского правителя с присущими его народу чертами характера. «Трудно понять, — писал Герберштейн, — то ли народ по своей грубости нуждается в государе-тиране, то ли от тирании государя сам народ становится таким грубым, бесчувственным и жестоким»⁴⁰. Герберштейн лукавил, у него есть ответ на поставленный вопрос: народ, предпочитающий рабство

³⁴ «Gens illa magis servitute, quam libertate gaudet»; «Das volckh ist also naturt, das sy sich der eigenschaft mehr dan der freyhait beruemen» (Там же. С. 238, 239).

³⁵ «Omnes se Principis chlopos, id est servos fatentur»; «Alle im Land nennen sich jres Fürsten Chlopn, das haist verkauffte Knecht» (Там же).

³⁶ «Imperio, quod in suos exercet, omnes facile universi orbis monarchas superat»; «Er uberträff alle Khünig, und Fürsten, mit dem gewalt, den er hette und gebraucht uber die seinigen...»; «omnes iuxta, dura seruitute premit»; «Hellt alle und yede in gleicher dienstparkhait» (Там же. С. 88, 89).

³⁷ «omnibus ijs uescentibus, durum iugum et perpetuam seruitutem designant»; «nach meiner ausslegung die dassell gemeingelichen geniessen, im herten Joch und schwaerer dienstperkhait dassell uerdien muessen» (Там же. С. 558, 559).

³⁸ Там же. С. 92, 93.

³⁹ Нет никаких оснований соглашаться с Фр. Кэмпфером, будто «власть Василия III в качестве христианской монархии (als christliche Monarchie) импонировала Герберштейну» [Kaempfer, s. 157].

⁴⁰ «Incertum est, an tanta immanitas gentis tyrannum principem exigat: an tyrannide Principis, gens ipsa tam immanis, tamque dura crudelisque reddatur»; «Es ist ain zweyfel, ob ain solch uolch ein solche schwaere Herrschafft haben muess, oder ob die grausame Herrschafft ain solch ungeschickht uolckh macht» (Герберштейн С. Записки о Московии. С. 92, 93).

свободе, нуждается в жестоком гнете, обречен на тиранию.

Но ведь и народ не волен в себе. Его характер обусловлен, он зависит от географического местонахождения, от воздействия астральных сил.

А это уже судьба.

* * *

Герберштейна прославляют — и небезосновательно — за то, что он создал широкую детализированную панораму русского мира, позволившую европейцам с ним ближе познакомиться. Он привел в переводе или в пересказе ряд важных русских документов, в которых освещаются история страны, ее законодательство, религиозные уставы, политический быт. Он дал убедительные, обоснованные ответы на важные для восприятия Руси/России/Московии вопросы, о которые «спотыкались» его предшественники, отнеся, в частности, обитателей страны к славянским народам и указав ее пределы от Сарматских (= Карпатских) гор до Северного моря (= Ледовитого океана) с уточнением, что в его время ею владеют три государя: великий князь Московский, великий князь Литовский и король Польский⁴¹. Однако при этом Герберштейн не порывал с глубоко укоренившейся в европейском сознании, выработанной долгими столетиями и даже тысячелетиями традицией восприятия земель, на которых раскинулась Русь/Россия/Московия, как севера, а их населения как варваров, которые чужды добрым нравам и правильному гражданскому устройению. Более того, этим стереотипам Герберштейн дал новую жизнь, очень выразительно иллюстрируя их умело подобранными или сочиненными картинами русской действительности, которые он развернул и прокомментировал на страницах своего труда.

«Записки о Московии» — произведение, несомненно, выдающееся; это — дорогой подарок историкам, присланный из глубин ренессансной эпохи; но ценны они не только и даже не столько сведениями о Руси/Московии, которые всегда нуждаются в тщательной проверке и верификации, сколько созданным Герберштейном образом этой страны, адресованным и понятным прежде всего людям одной с ним культуры. Именно к ним, их миропониманию и духовному опыту следует обращаться, изучая сочинение габсбургского дипломата.

Литература

- Забугин В.* Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование. СПб., 1914.
- Зарецкий Ю. П.* Автобиографическое «я» от Августина до Аввакума. М., 2002.
- Зарецкий Ю. П.* История субъективности: Средневековая Европа. М., 2009.
- Кудрявцев О. Ф.* От составителя // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Составитель О. Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 3–5.
- Кудрявцев О. Ф.* «Другой мир»: характерные черты восприятия Руси и русских средневековым Западом // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света. Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова. М., 2011. С. 508–540.
- Кудрявцев О. Ф.* Западные известия первой половины XV в. о Руси // Европейское Возрождение и русская культура XV — середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие. М., 2013. С. 31–67.
- Кудрявцев О. Ф.* «Не могу надивиться бесстыдству наших географов»: античная география под судом ренессансного землеведения (в печати).
- Adelung Fr.* Kritisch-literarische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind. St. Petersburg; Leipzig, 1846. Bd. I–II.
- Baron S. H.* Herberstein's Image of Russia and its Transmission through Later Writers // Siegmund Herberstein. Kaiserliche Gesandter und Begründer der Russlandkunde und die europäische Diplomatie / Hg. von G. Pferschy. Graz, 1989. S. 245–273.
- Kaempfer Fr.* Siegmund von Herbersteins „Rerum Moscoviticarum Commentarii“ als religionsgeschichtliche Quelle // Siegmund von Herberstein. Kaiserliche Gesandter und Begründer der Russlandkunde und europäische Diplomatie. Graz, 1989. S. 147–163.

⁴¹ Там же. С. 34–41.

Oleg F. Kudryavtsev

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation, Moscow, Russia

SOME STEREOTYPES OF PERCEPTION OF RUSSIA IN SIGISMUND HERBERSTEIN'S "RERUM MOSCOVITICARUM COMMENTARIUM"

The Herberstein's work "Rerum Moscoviticarum commentarii" (1st ed. – 1549) is the most full and comprehensive description of Russia made in the Renaissance Europe. It contains a lot of new material, which the author, the humanistically educated European, mainly used nevertheless to illustrate the old, obdurate stereotypes of perception the Rus'/Muscovy/Russia formed in the previous centuries.

Keywords: Muscovy, Russia, Herberstein, humanism, the Renaissance, barbarians, the North, tyranny, stereotypes